

института. Применяя технологии реализации социологических исследований, органы власти или любые иные организации, так или отражающие потребности населения, могут улучшить как реальный уровень эффективности / результативности, так и имидж, представляемый в публичном пространстве.

Библиографический список

1. Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада-центр». URL: <http://www.levada.ru>
2. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/report/cat>
3. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php>
4. Закон Саратовской области от 9 ноября 2007 г. № 243-ЗСО «Об Общественной палате Саратовской области». URL: <http://www.saratov.gov.ru>.

А.П. Грахоцкий

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

РОССИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В 1860-Е ГОДЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Со времени петровских преобразований православное духовенство рассматривалось в российском официальном дискурсе как неотъемлемый элемент государственного аппарата, призванный распространять идеи самодержавия и православия в обществе, обеспечивать лояльность населения политической власти [1, с. 382]. Использование идеологического потенциала православного духовенства в Беларуси обрело особенную актуальность во время Январского восстания. Православной Церкви российские власти отводили одно из центральных мест в стратегии русификации Беларуси. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев (1863–1865 гг.) писал Александру II: «Без содействия Православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение Русской народности в том («Северо-Западном». – А.Г.) крае» [2, с. 191]. Именно

православным священникам в планах генерал-губернатора предоставлялась роль «главных деятелей намеченного обрусения» [3, с. 50].

Однако чтобы превратить православное духовенство в настоящую «опору православия и русской народности» в крае, М.Н. Муравьев считал необходимым улучшить материальное положение и, соответственно, возвысить социальный статус служителей культа. Православный клир Беларуси, по словам генерал-губернатора, находился в «уничиженном» положении: «Духовенство наше лишено там всех средств существования, а прихожане слишком бедны, чтобы помогать ему. Польские паны пренебрегают и гнушаются им» [2, с. 191–192]. Таким образом, кампания по улучшению материального положения православного духовенства приобретала особенное идеологическое содержание. Согласно муравьевской риторике в «Северо-Западном крае» сложилась парадоксальная ситуация, когда служители культа «господствующего вероисповедания», обделенные заботой Российского государства и общественности, оказались под гнетом чужеземцев – «польских панов» и ксендзов [4, с. 428–429].

На протяжении 1864 г. во всех белорусских губерниях были созданы «губернские особые присутствия по улучшению быта православного духовенства», которые занимались обеспечением клира земельными участками и дровами [5, с. 197]. С 25 мая 1864 г. стараниями генерал-губернатора значительно увеличилось жалование православного духовенства. Если до этого православный священник получал из казны от 100 до 180 рублей в год, в то время как католический – от 230 до 600 рублей [3, с. 19], то сейчас православный священник мог рассчитывать на 220 рублей в деревне и 400 рублей в городе [5, с. 197]. В августе 1864 г. по предложению М.Н. Муравьева Государственный совет разрешил отдавать в распоряжение некоторых церквей прилежащие к ним фермы и фольварки, вследствие чего в пользование духовенства отошли земли из конфискованных имений «польских» помещиков и ксендзов [3, с. 57]. Основным же источником, откуда поступали средства на улучшение финансового положения православного духовенства, были так называемые штрафные и контрибуционные сборы, которые взимались с помещиков, шляхты и римско-католического духовенства [6, с. 502].

Виленского генерал-губернатора беспокоил тот факт, что большинство местного православного духовенства до 1839 г. принадлежало к Униатской Церкви. В своих воспоминаниях М.Н. Муравьев писал, что бывшие униатские священники, «... хотя и принявшие православие, но по привычке и по обычаю более католики и поляки» [4, с. 631]. Российские чиновники с удивлением отмечали, что местные православные священники носят сутаны, бреют бороды, проводят крестные ходы по униатс-

ким обычаям, «жалеют о преимуществах утраченной унии», вне церквей разговаривают по-польски, а жены и дочери некоторых из них принадлежат к римско-католическому вероисповеданию [3, с. 42; 5, с. 121–123].

В связи с этим волна русификаторских мероприятий не могла не затронуть местный православный клир. В конце 1863 г. Литовский митрополит Иосиф Семашко приказал, чтобы духовенство епархии вместе со своими семьями учило русский язык и затем повсеместно пользовалось им. Благодичным поручалось следить за исполнением этого приказа и докладывать «епархиальному начальству» [5, с. 128]. В 1864 г. по предложению М.Н. Муравьева православным священником запрещалось ношение сутан [3, с. 61]. В этом же году митрополит Иосиф предложил консистории требовать от кандидатов в священнический сан, которые обращались с просьбой о разрешении вступить в брак, свидетельство благочинного и двух «надежных» священников о том, может ли будущая жена кандидата говорить и читать по-русски, знает ли она важнейшие православные молитвы и катехизис [5, с. 128]. В марте 1865 г. М.Н. Муравьев обратился к архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию с предложением сделать соответствующие распоряжения по его епархии [7, с. 27].

В записке к императору от 14 мая 1864 г. М.Н. Муравьев предлагал выслать из края наиболее одиозных священников «из бывших униатов», а на их место пригласить «благонадежных» клириков из внутренних губерний России [2, с. 192]. Западный комитет постановил привести это предложение в исполнение в административном порядке по согласованию местных «епархиальных начальников» с генерал-губернатором [8, с. 339]. Однако митрополит Иосиф решительно выступил против этого решения [8, с. 340]. Вероятно, в осуществлении этого замысла митрополит, который сам являлся бывшим униатом, видел угрозу своим авторитету и позициям в крае. В поддержку И. Семашко выступил митрополит Московский Филарет. Рассматривая по просьбе обер-прокурора Св. Синода предложение М.Н. Муравьева, Филарет писал: «Воссоединенного священника, любимого прихожанами за честную службу и жизнь, отрешать от прихода неудобно, и не значило бы это не успокаивать, а раздражать». На счет возможных кандидатур великорусских священников, направляемых в Беларусь, митрополит продолжал: многие едут туда совсем не по призванию, а потому что, «...видя себя незначущими дома, мечтают получить значение вдали» [8, с. 340–341]. Для разрешения конфликта между митрополитом Иосифом и М.Н. Муравьевым в Вильно приезжал обер-прокурор Синода А.И. Ахматов [8, с. 341].

Изученные источники не позволяют определить общее количество прибывшего в Беларусь великорусского духовенства. Однако можно отметить,

что этот процесс продвигался довольно медленно. Так, в 1864 г. из Новгородской и Тверской губерний в Беларусь приехали только десять выпускников семинарий для занятия «священнических должностей» [5, с. 97]. Местное же православное духовенство смотрело на прибывших священников как на людей «низшей культуры», называло их «наездом» [5, с. 167–168].

Довольно непростыми были взаимоотношения между местным православным клиром и русскими чиновниками, которые приезжали в Беларусь по призывам М.Н. Муравьева. Так, митрополит И. Семашко жаловался в Св. Синод, что некоторые из приехавших в Западный край чиновников с пренебрежением относились к местному православному духовенству, упрекали его в незнании православных канонов и даже позволяли себе вмешиваться в церковные дела. В этих жалобах митрополит рассказывал, что некий поручик Щербов закрывал по собственному желанию без объяснений приходы, ходил по алтарю в кожухе с палкой, а штаб-капитан Крамеров и лейб-майор Савицкий, одевшись в ризы, пьяные сами отправляли богослужение, мировой посредник Логинов обзывал местного священника «звонарем» [9, с. 73].

Естественно, что такое поведение русских чиновников вызывало негодование в среде духовенства. В связи с этим показательным является конфликт, который возник в местечке Игумен Минской губернии между местным православным священником отцом Константином и игуменским уездным исправником Гайворовским. 1 декабря 1868 г. Гайворовский докладывал минскому губернатору Е.А. Касинову, что отец Константин во время богослужения произнес проповедь, «... содержание которой оскорбило русских чиновников-молельщиков, как направленное к подрыву уважения русского чиновнического сословия в среде поляков, ибо содержание этой проповеди представляло их нарушителями долга, присяги и преданности Государю и Отечеству, отступниками в исполнении своих обязанностей, одним словом подверженными полному нравственному разложению» [10, с. 1]. Исправник сообщил, что после окончания литургии он потребовал от священника выдать ему копию произнесенной проповеди, на что получил отказ последнего [10, с. 1–2]. «Находя действия игуменского исправника крайне оскорбительными для сана священника и не видя в проповеди священника Загоровского ничего противного духу православной церкви», в защиту отца Константина выступил епископ Минский и Бобруйский Александр [10, с. 25]. В итоге дело дошло до генерал-губернатора А.Л. Потапова (1868–1874 г.). Минский губернатор писал А.Л. Потапову, что считает необходимым ограничиться лишь вынесением замечания игуменскому исправнику «... и только в крайнем случае перевести его в другой уезд, но считаю, что эта мера кажется мне слишком строгой и поощрит

только к новым притязаниям некоторых священников, уклоняющихся от своих пастырских обязанностей» [10, с. 31].

Таким образом, комплекс мероприятий российской администрации по улучшению социального положения православного духовенства Беларуси был продиктован не заботой властей о материальном обеспечении клира, а необходимостью мобилизации православного духовенства в ряды активистов «русского дела». Существенным препятствием на пути взаимодействия Церкви и российской администрации в процессе осуществления русификационной политики власти видели приверженность местного православного духовенства униатским обычаям и традициям. В связи с этим осуществлялся комплекс мероприятий, направленных на нивелирование этих особенностей, а наиболее радикальной мерой была замена местных священников на выходцев из внутренних губерний России. Это обстоятельство, а также пренебрежительное отношение к местному духовенству русских чиновников, прибывших в край по приглашению М.Н. Муравьева, неизбежно порождало конфликты между православным клиром и российской администрацией на белорусских землях.

Библиографический список

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). СПб, 2003. Т. 1.
2. *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края (14 мая 1864 г.) // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–197.
3. *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900.
4. *Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863–1866 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 387–432, 623–644.
5. *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. М, 1899.
6. *Муравьев М.Н.* Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 487–510.
7. Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях, 1863–1864 гг. Вильна, 1866.
8. *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашко, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1839 г. Вильна, 1889.
9. *Цьвікевіч А.* «Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Менск, 1993.
10. Дело о священнике Игуменской церкви Загоровском К., опорочившем в произнесенной проповеди русское чиновническое сословие // НГАБ у г. Мінску. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1871.